ПУГОВИЦА

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВ

Алексей Александров

Пуговица

«Автор»
2026

Александров А.

Пуговица / А. Александров — «Автор», 2026

Трогательная фэнтези-новелла о мальчике Лёне, для которого обычный поход в цирк становится дверью в иной мир. Лёня с родителями приходит на представление и, не раздумывая, вызывается добровольцем для фокуса с исчезновением. Вместо эффектного трюка он оказывается в загадочном пространстве, где законы привычного мира не действуют. Чтобы вернуться домой, ему предстоит сделать непростой выбор — отдать одно из своих чувств. В этом чужом, пугающем месте единственной опорой становится папина пуговица: она хранит тепло родного дома, голоса тех, кто любит и ждёт. Именно память, заключённая в этой маленькой вещице, помогает Лёне не потерять себя и найти путь обратно.История о смелости, взрослении и о том, как простая деталь может стать самым надёжным якорем в бурю.

© Александров А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Александров
Пуговица

Алексей Александров
Пуговица

«нет якоря надёжнее, чем любовь,
которая зовёт домой»

Тот вечер медленно опускался на город, укрывая панельные дома мягкой унылой темнотой. В двухкомнатной квартире на пятом этаже обычной «хрущёбы» пахло тёплым молоком и ванилью - мама только что поставила на стол стакан молока и тарелку с печеньем, края которого чуть подрумянились. В своей комнате Лёня сел на табуретку, подогнул одну ногу под себя, как всегда делал, когда хотел стать чуть меньше и незаметнее, и посмотрел на полку. Там, рядом с потрёпанной книжкой про пиратов и стопкой открыток, стояла жестяная коробочка с его детскими сокровищами.

Он тихо потянулся к ней, открыл крышку — внутри всё лежало на своих местах: фантик от конфеты, которую они ели вместе с папой перед его последним отъездом, маленькая открытка с видом морского порта Японии и ОНА - пуговица от папиной флотской формы. Лёня осторожно достал её, покрутил в пальцах. Пуговица была прохладная, тяжёленькая, а на выпуклой поверхности чётко проступал якорь - такой надёжный, будто сам держал на месте всё, что могло уплыть.

Лёня прижал пуговицу к ладошке. Ему нравилось это ощущение: твёрдое, настоящее. Для него это была не просто деталь формы, а обещание. Папа вернётся из рейса, обнимет, взъерошит волосы и скажет: «Ну что, герой?» Лёня верил: пока пуговица с ним, папа где-то рядом, даже если его нет в комнате.

Сейчас он был дома, в отпуске после рейса. Обычно такой папин отпуск длился целых две недели, и они наслаждались им: гуляли, ходили на рыбалку, в парк, играли в прятки, в морской бой, брали маму в выходные и ездили купаться на каналы. Оставалось еще дня три от папиного отпуска, и сегодня занимались домашними делами: за стеной папа чинил настольную лампу. Он тихо напевал себе под нос какой-то морской мотив — не песню целиком, а так, обрывки, которые прилипали друг к другу и становились чем-то своим. Мама стояла у окна, поправляла шарф, будто проверяла, всё ли на месте, и вдруг, повернувшись к Лёне, улыбнулась:

— Завтра идём в цирк. Ты ведь хотел?

В этих словах было столько тепла, что Лёне стало вдруг легко на душе. «Ведь хотел» — не как упрёк за то, что он сто раз об этом говорил, а как признание: его желание имело значение, его услышали. И в этот момент он почувствовал себя не просто маленьким мальчиком, который боится, что его не заметят, а кем-то важным - тем, чьё «хочу» взрослые берут и превращают в «мы сделаем».

Лёня кивнул, не доверяя голосу, чтобы не выдать, как сильно у него забилось сердце. Потом снова сжал в ладони пуговицу, прикрыл глаза на секунду и прошептал тихо, так, чтобы никто не услышал:

— Завтра будет чудо. Я уверен.

И ему действительно стало спокойнее. Не потому, что страх исчез совсем - он всё ещё где-то прятался в уголке груди, шептал, что чудеса бывают только в книжках. Но теперь рядом был якорь, был тёплый свет кухни, были родители, которые собирались вместе с ним идти смотреть на фокусы, и этого хватало, чтобы сказать страху: «Подожди. Сегодня я хочу верить».

…Утро выдалось таким, будто город нарочно тянул время - чтобы Лёня успел надышаться этим днём, запомнить каждую мелочь. Пахло морозцем и дымом из труб хлебозавода, а ещё - чем-то особенным, праздничным: жареными пирожками с лотка у перехода. Лёня шёл между мамой и папой, крепко держа маму за руку, а в кармане куртки постоянно проверял пуговицу с якорем. Она лежала там, прохладная и надёжная, как маленький секрет, который греет изнутри.

Панельные дома стояли серые, строгие, будто немного смущались своих угрюмых углов рядом с этой суетой. А над ними сверкали гирлянды, яркие, разноцветные, как кто-то развесил по улицам кусочки радуги. Афиши цирка пестрели золотыми буквами: «Невероятные фокусы!», «Тайна исчезновения!», «Только три дня!». Лёня смотрел на них и думал, как странно устроено: серые стены и вдруг — такое сияние, будто мир решил показать, что внутри него прячется чудо, стоит только присмотреться.

— Смотри, вон там ещё одна афиша, — мама кивнула на угол, где плакат трепетал на ветру, словно хотел скорее рассказать всем эту тайну. —Видишь, даже город сегодня старается быть красивым.

Лёня кивнул. Ему нравилось, как мама всё превращает в хорошее. Даже если это просто ветер и бумага — всё равно получается будто знак: «Сегодня случится что-то особенное».

Под ногами хрустели сухие листья - будто сами подсказывали: «Скорее, скорее». Иногда попадались островки снега, уже потемневшего, уставшего, но всё ещё державшегося за землю. Лёня нарочно наступал на эти хрустящие места — ему казалось, что так день становится громче, заметнее, будто сам просит: «Запомни меня».

По дороге он снова и снова прокручивал в голове один и тот же спор с собой.

«А вдруг это просто обман? — шептал осторожный голос внутри. — Фокусник прячет людей за ширмой, дёргает за верёвочки, и никакой магии нет».

Но другой голос, тот, что сидел где-то рядом с пуговицей и помнил папин смех, тихо возражал:

«Пусть будет обман. Лишь бы на пять минут поверить. Лишь бы почувствовать, что мир чуть больше, чем кажется».

И Лёня решил: он выберет эти пять минут. Даже если потом всё окажется просто трюком - пусть будет так. Главное, что прямо сейчас он идёт по улице, рядом родители, пахнет пирожками, а впереди — огромный шатёр, похожий на корабль, который вот-вот унесёт его в другую вселенную.

Они свернули во двор, и тут Лёня заметил старушку с маленькой собачкой. Собачка смешно семенила, будто торопилась куда-то по очень важному делу, а старушка улыбалась, глядя на неё. Мама тоже улыбнулась и кивнула:

— Видишь, город улыбается нам сегодня.

Лёня посмотрел на собачку, на старушку, на гирлянду, которая подмигнула ему, качнувшись на ветру, - и вдруг понял: мир и правда старается быть добрым. Не ради чего-то большого, а просто так, чтобы одному мальчику в серой куртке стало чуточку светлее на душе.

И тогда он прошептал про себя, не разжимая пальцев в кармане:

— Я верю. Хоть на пять минут, но верю.

Цирк уже виднелся впереди - огромный, полосатый, будто выросший из самой улицы, как цветок из асфальта. Он стоял, слегка подрагивая на ветру, и казалось, что шатёр дышит: вдох - и ткань натягивается, выдох - и чуть опадает, будто шепчет: «Я жду тебя. Я знаю, что ты идёшь».

Лёня сжал пуговицу чуть сильнее. Якорь держал крепко. И этого было достаточно, чтобы сделать следующий шаг - и ещё один, и ещё. Прямо к двери, за которой начиналось чудо.

Двери цирка распахнулись, и на Лёню сразу нахлынула целая волна запахов - пыль, будто собранная из тысячи старых чудес, мастика, которой натирали полы, сладкий попкорн и ещё что-то неуловимое, похожее на предвкушение. В фойе было шумно: дети смеялись, взрослые переговаривались, кто-то звал кого-то по имени, и все эти голоса сливались в один большой гул - как будто сам цирк радостно вздыхал: «Наконец-то! Вы пришли!»

Лёня замер на входе, вдыхая этот воздух, и вдруг понял: здесь всё настоящее, даже если это простые фокусы. Он еще крепче сжал в кармане пуговицу с якорем - она по-прежнему была прохладной и твёрдой, и от этого становилось спокойнее.

Они прошли в зал. Ряды кресел тянулись вперёд, как красные волны, а над ними нависал купол - огромный, пёстрый, с узорами, похожими на старинные пиратские карты. Свет прожекторов будто и правда дышал: то наливался ярким золотом, то чуть тускнел, словно присматривался к тому, что происходит внизу. Лёня глядел на эти переливы и думал, что так, наверное, выглядит само ожидание чуда — оно живёт, пульсирует, готовится вот-вот произойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.